

УДК: 821.161.1.0

А. Н. Кошечко

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ОПЫТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Рассматривается виктимологический дискурс как уникальный пример репрезентации экзистенциального опыта в дневнике писателя Ф. М. Достоевского. Содержание текста концентрируется в основном вокруг опорного концепта «жертва», что позволяет говорить о виктимологическом¹ дискурсе, правомерность выделения которого подтверждается анализом жанровых особенностей (синтез дневникового, исповедального и публицистического начал, «жанр публичной исповеди», «публицистический цикл»), макроструктуры текста (деление на главы, использование вставных текстов), аспектным рассмотрением тематического единства глав.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, автор, дискурс, рефлексия, экзистенциальное сознание, «пограничная ситуация», жанр, «Дневник писателя».

«Дневник писателя» – уникальное по политической и идеологической структуре гражданское периодическое издание, в котором отразились доминанты мировоззрения Достоевского. В сложной синтетической форме этот текст зафиксировал размышления писателя о философских и эстетических проблемах, результатах собственного жизненного пути и пути русской нации в целом, актуальных вопросах современности и путях преодоления глубочайшего нравственного кризиса, результаты которого становятся осязаемыми в конце 1860–70-х гг.

Достоевский получает не только возможность непосредственного видения «пограничной ситуации», но он и возможность ее осмысления из эпицентра чувств, событий, трагедии. Причем авторское сознание проявляет себя в тексте «Дневника писателя» в двух доминантных ипостасях: как человек и как писатель, публицист. Результаты личного экзистенциального опыта в «Дневнике писателя» отражают «вихревую, экстатическую» (Н. Бердяев) атмосферу времени, характер пореформенной эпохи, воплощают «формулу» художественного сознания, для которого характерна острая антиномичность, система смысловых и ценностных оппозиций (прошальная жалость по ушедшему и тревога от ожидаемого будущего, правда жизни и правда смерти, тяга к Другим и отчуждение от Других, идея непрерывности и утрата религиозного сознания).

Проявление экзистенциального сознания маркируется в тексте «Дневника писателя» использованием личного местоимения «Я» как знака вхождения в сферу экзистенциального опыта автора, не претендующего при этом на сообщение одной, одинаковой для всех, истины: «Я заговорил теперь про себя, чтоб иметь право говорить о других. Тем не менее буду продолжать только об одном себе, о других же если и упомяну, то вообще, безлично и в смысле совер-

шенно отвлеченном»² (т. 21, с. 129), «...я опять про себя одного говорю... <...> Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений, тем более что это, может быть, и не так любопытно», (т. 21, с. 134), «если отвечаю теперь и жертвую местом, то отвечаю, так сказать, на свои собственные сомнения и, так сказать, самому себе. <...> По крайней мере, совесть моя будет спокойна, вот что» (т. 24, с. 46).

Необходимость репрезентации содержательного опыта экзистенциального сознания привела к тому, что «дневниковая проза» Достоевского преодолевает рамки «прямой» публицистики и становится сложным многозначным текстом с устойчивой системой экзистенциально-философских доминант (проблема осмысления бытийных вопросов через призму собственного опыта, осознание эпохи как «пограничной ситуации», представление о человеке как результате собственного выбора, проблема истины и т. д.).

Смысловая и идеологическая многоплановость текста объясняется и особой художественно-публицистической задачей, которую ставил перед собой Достоевский: «Дневник писателя» обращался не к отдельным социальным группам или партиям, а к русским гражданам, ко всему русскому миру. Эта установка позволила автору снять интимную моноличность дневниковой интонации, выстроить индивидуальное и коллективное диалогическое взаимодействие с голосами реальных и гипотетических оппонентов, мотивировать читателей к самостоятельности мышления и ответственности за свои воззрения, расширить временную и пространственную перспективы текста, что позволило перевести осмысление проблем из плана «современного» и «своевременного» в план универсальный, вечный.

Следовательно, «Дневник писателя» представляет собой совокупность вербальных манифестаций, ко-

¹ От лат. *victima* – «жертва».

² Ссылки на произведения Достоевского в круглых скобках по изданию: [1].

торые отражают особенности мышления, систему идеологических доминант пореформенной эпохи. Личность автора является «ментальной точкой отсчета», которая обеспечивает цельность и связность текста. То, что являлось содержанием сознания, в тексте «Дневника» объективируется, становится зримым, узнаваемым, что позволяло Достоевскому рассчитывать на полноценный диалог с читателями, которые существуют в той же, что и автор, исторической и духовной ситуации. Связь между автором и читателем устанавливается посредством прямого обращения («не слышали ли вы» и т. д.). Читатель подключается к авторскому монологу в качестве потенциального оппонента и собеседника.

Все вышесказанное позволяет говорить о дискурсивности «Дневника писателя» Достоевского, что, в свою очередь, требует от исследователя особенно внимательного обращения к первооснове – к тексту как самостоятельному объекту исследования, причем «выборочный текстологический анализ» предполагает внимание и к исследованию динамики самого текста, и к динамике идей.

Исследование динамики текста «Дневника писателя» Достоевского позволяет говорить о том, что дискурс реализуется в нем в виде трех структурно-семантических уровней: суперструктура, макроструктура, микроструктура.

1. **Суперструктура** «Дневника писателя» связана жанром дискурса. Следует различать «Дневник писателя» как жанр и как тип издания: жанр возник в 1873 г. на страницах «газеты-журнала» «Гражданин», тип издания сложился в 1876 г. в связи с намерением Достоевского объявить издание «Дневника писателя» по подписке: «По объему “Дневник” напоминал брошюру, по формату – еженедельную газету, по периодичности – ежемесячный журнал, но по признаку авторства – отдельную книгу» [2, с. 6].

Выявленные нами особенности отчасти объясняют, почему «Дневник писателя» до настоящего времени не получил убедительного жанрового определения. Исследователи говорят о синтезе дневникового, исповедального и публицистического начал, определяя «Дневник» как «жанр публичной исповеди», «публицистический цикл» и т. д. Думается, что методологическая сложность определения жанра объясняется спецификой самого текста: антиномичность эпохи, pro et contra авторского сознания реализуются в синтетическом слиянии противоположных по своей сути логике идей и логике образов.

В этой ситуации более корректным будет определение «Дневника писателя» как «пограничного жанра» (Л. Я. Гинзбург)³, который открывал для Достоевского уникальную возможность развертывания тек-

ста одновременно в нескольких смысловых измерениях, поэтому текст «Дневника писателя» невозможно свести к простой сумме отдельных «мыслей», он рассчитан на «целостное переживание»: «Не “сумма идеологии”, а единое художественное целое определяет, в конечном счете, и главные идеологические акценты этого моножурнала» [4, с. 158].

2. **Макроструктура** «Дневника писателя» обнаруживает себя в членении текста на крупные составляющие (эпизоды, абзацы, группы реплик и т. д.), использование вставных текстов. Между крупными фрагментами дискурса «Дневника писателя» наблюдаются границы, которые помечаются графическим выделением или использованием специальных лексических средств – служебных слов или словосочетаний («а», «так», «наконец», «что касается» и т. п.). Макроструктура «Дневника писателя» строится таким образом, чтобы представлять собой полноценный текст.

В большинстве случаев заголовки глав «Дневника писателя» не вводят читателя в содержание последующего текста, а, наоборот, «прикрывают» его. Как правило, заглавие расширено и включает в себя понятия из различных образных рядов, не имеющих никакой видимой связи. Например, глава Январского номера «Дневника писателя» за 1876 г. называется «Вместо предисловия. О Большой и Малой Медведицах, о Молитве великого Гёте и вообще о дурных привычках». Сближение названий небесных созвездий с фамилией Гёте таит в себе иронический подтекст, ироничность усиливает алогичное окончание заголовка «и вообще о дурных привычках»: «Читатель настраивается на определенный лад. Он уже подготовлен к восприятию последующего текста в ключе заголовка» [4, с. 154].

В «Дневнике писателя» обнаруживает себя синтез разных типов повествования в пределах одного очерка, статьи, фельетона. В частности, в очерке «Влас» «фантастический рассказ» (т. 21, с. 33) старца (совпадение с авторским определением жанра «Кроткой», «Бобка», «Сна смешного человека») провоцирует автора на литературно-критический анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» и публицистические размышления о национальном характере. Часто Достоевский не просто включает художественный элемент в публицистический контекст, а как бы домысливает, дорисовывает реальные события. Например, автор в рассказе «Мальчик у Христа на елке», обращаясь к читателям, говорит: «Но я романист, и, кажется, одну “историю” сам сочинил. Почему я пишу: “кажется”, ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне всё мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в ка-

³ «В промежуточных, например автобиографических и биографических, жанрах в середине и во второй половине XIX века порой особенно обнажено выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическими, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [3, с. 8].

ком-то огромном городе и в ужасный мороз» (т. 22, с. 14). Художественные элементы, введенные в публицистический контекст, позволяют Достоевскому не только домыслить, досказать, но и высветить наиболее важное в действительном событии, показать другую точку зрения на это событие.

Синтез собственно публицистического и художественного повествования в «Дневнике писателя» позволяет факту и вымыслу в тексте сосуществовать на равных правах: факт дает почву для создания художественного образа, который, в свою очередь, становится рядом с действительным событием, создает эффект предельной приближенности к реальности, которая, по мнению Достоевского, гораздо фантастичнее любого вымысла. Особая природа синтеза художественности и публицистичности выводит «Дневник писателя» за рамки обычной жанровой формы: «И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно... На то я и романист, чтоб выдумывать» (т. 22, с. 17). Достоевский не раз оговаривает, что «Дневник» создается «романистом». Это принципиально, так как чаще всего действительность изображается в тексте посредством образов, приемов и средств, характерных для художественного способа мышления. Целью автора «Дневника писателя» является не воспроизведение объективной реальности, передача событий и фактов общественной жизни России и Европы, а художественное осмысление происходящего и воссоздание уже новой реальности, действительной, но художественно преобразованной авторским отношением.

3. Микроструктура «Дневника писателя» реализуется внутри крупных фрагментов дискурса в единстве тематическом, референциальном (т. е. единство участников описываемых ситуаций), событийном, временном, пространственном и т. д.

В «Дневнике писателя» пореформенная эпоха (1860–70-х гг.) осмысливается Достоевским как ситуация кризиса, в которой доминирующими становятся процессы криминализации (превращения человека в преступника) и виктимизации (превращения человека в жертву): «перелом огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный в истории по своей цельности и по своему характеру» (т. 21, с. 94), «внутренний дух... внутренняя вековая правда... пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми» (т. 21, с. 100), «делали подлое, но знали, что делают подлое, а что есть хорошее; теперь же не веруют в хорошее и даже в необходимость его» (т. 21, с. 101), «Есть исторические моменты в жизни людей, в которые явное, нахальное, грубейшее злодейство может считаться лишь величием души, лишь

благородным мужеством человечества, вырывающегося из оков. Неужели нужны примеры, неужели их не тысячи, не десятки, не сотни тысяч?» (т. 21, с. 133).

Переломные моменты, по мысли Достоевского, провоцируют кризис духовных ценностей, дезориентацию сознания, обесмысливание жизни, которое неминуемо ведет к саморазрушению человека. Цель существования утрачивается, потому что ценностные доминанты оказываются искаженными или полностью уничтоженными. Следовательно, Достоевский в «Дневнике писателя» акцентирует внимание на криминально-виктимологическом характере ситуации и ее влиянии на мировоззрение личности.

Собственный экзистенциальный опыт проживания «пограничных ситуаций» приводит писателя к выводу, что в переломные эпохи человек вынужден самоопределяться относительно двух доминант – преступник или жертва, причем в большинстве случаев это не столько сознательный выбор (хотя и он для Достоевского как личности экзистенциальной мироориентации не исключается), сколько трагические последствия нравственной дезориентации. Нравственность здесь понимается в экзистенциальном смысле: не как «внешний» закон, требующий «внешнего» исполнения, а глубинный, фундаментальный закон личности, «интуитивная нравственность». Особенно остро эта дезориентация переживается молодыми. Молодежь острее ощущает абсурд и несправедливость. Абсурд ситуации заключается в появлении особого типа преступника-жертвы, который одновременно и виновен в своих действиях, и не виновен. Выбор для личности, которая стремится сохранить себя, выйти из пограничной ситуации, остается только один: чтобы не стать преступником, человек *сознательно* становится жертвой. То есть потенциально в переломный, кризисный момент жертвой может стать абсолютно любой человек: он уже изначально, до ситуации преступления, жертва эпохи, «трагической минуты». Следовательно, для Достоевского быть или не быть жертвой – это экзистенциальный выбор в пограничной ситуации перед лицом смерти.

В связи с этим можно говорить о том, что тематическое содержание дискурса в «Дневнике писателя» концентрируется в основном вокруг опорного концепта «жертва», поэтому целесообразно говорить о виктимологическом дискурсе, который реализуется в системе идеологических доминант текста. В рамках данной работы мы остановимся на рассмотрении содержательной стороны виктимологического дискурса.

Нужно отметить, что Достоевский – не криминалист⁴, а писатель, которого в первую очередь интересует психологическая составляющая проблемы – виктимологический аспект личностных отношений. Причем эта проблема рассматривается Достоевским в

⁴ Хотя попытки взглянуть на творчество Достоевского с позиций юриспруденции, криминологии предпринимались неоднократно. В частности, 2 февраля 1881 г. А. Кони выступил на общем собрании Петербургского юридического общества с докладом «Достоевский как криминалист».

двух ракурсах – бытовом и бытийном, на что он сам неоднократно указывает: «Знаете ли вы... что истинные происшествия, описанные со всею исключительностью их случайности, почти всегда носят на себе характер фантастический, почти невероятный?... Задача искусства – не случайности быта, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многообразия жизненных явлений» (т. 21, с. 82).

В «Дневнике писателя» Достоевский проводит психологический анализ различных типов жертв, акцентируя внимание в первую очередь на личностных качествах человека и мотивах его поведения.

1. **Невиновная жертва** демонстрирует собственное виктимное поведение, предполагающее отсутствие какого-либо сопротивления враждебным обстоятельствам, действиям мучителя и т. д. В основном данный тип поведения характерен для женщин и детей в силу их незащитности, слабости, жалости жертвы к своему мучителю.

Тип женщины-жертвы является одним из наиболее частотных психологических типов в «Дневнике писателя» Достоевского и предстает в различных модификациях: от пассивной жертвы⁵, неспособной на какое-либо сопротивление своему мучителю (в силу особого психологического состояния, чувства вины перед преступником, родственных связей с мучителем) до женщины-страдальницы⁶, образца сознательного самопожертвования ради высоких идеалов.

Пристальное внимание Достоевского в «Дневнике писателя» к судьбам женщин объясняется не только их психологической неприспособленностью к активному сопротивлению насилию. В большинстве случаев писатель отмечает в женщинах непросветленность индивидуального сознания, неоформленность самоощущения «я», которые и определяют более высокий, по сравнению с мужчинами, уровень развития нравственного начала⁷, саморефлексии: «В нашей женщине все более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, *искание правды и жертва* (курсив мой. – А. К.); да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на все даже теперешние

уклонения. Женщина меньше лжет, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет нелгущих, – я говорю про теперешний момент нашего общества. Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьезнее*, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться*. Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?» (т. 21, с. 125).

2. **Преступник-жертва** – еще один психологический тип, который вызывает интерес Достоевского в «Дневнике писателя». В России под влиянием Европы появляется тип «образованного человека», обладающего такими качествами, как гордость, влечение к славе, честолюбие. Эти качества замыкают человека в себе, пробуждают в нем индивидуальное начало. Личность нового времени в силу социально-психологических потрясений оказывается генетически предрасположенной к криминогенным эксцессам.

Предельное развитие индивидуального начала, отказ от нравственных ориентиров, желание доминировать над другими людьми приводит, по мысли писателя, к тому, что человек становится жертвой самоотрицания и саморазрушения.

К этой категории относятся, по мысли Достоевского, преступники, действия которых направлены на физическое уничтожение самого себя или другого человека. Наиболее репрезентативными в этом отношении оказываются типы **отцеубийц и самоубийц**⁸ (как реальные, так и потенциальные – в силу деформированности личности систематическими унижениями).

В исследовании их судеб Достоевского интересует в первую очередь «психологическая часть факта», выявление комплекса психологических оснований совершения преступления, отправной точкой которого является «забвение всякой мерки во всем... потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой. Это *потребность отрицания в человеке*, иногда самом неотрицающем и благоговеем, отрицания всего, самой главной святыни сердца

⁵ Так, в главе «Среда» («Дневник писателя», 1873) Достоевский анализирует историю женщины, покончившей жизнь самоубийством из-за невыносимости страданий, которые она не в силах прекратить другим способом: «Я воображаю и ее наружность: должно быть, очень маленькая, исхудавшая, как щепка, женщина. Иногда это бывает, что очень большие и плотные мужчины, с белым, пухлым телом, женятся на очень маленьких, худеньких женщинах (даже склонны к таким выборам (курсив мой. – А. К.), я заметил)...

<...> Связав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое было бы удовольствие ему бить (курсив мой. – А. К.)? <...> ...Любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальнейшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показывает ее в таком тихом, кротком, терпеливом, любящем свете» [т. 21, с. 20–21].

⁶ Примером высокого страдания становятся жены декабристов, встреча с которыми на пересыльном пункте в Тобольске описана Достоевским в главе «Старые люди» («Дневник писателя», 1873): «Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья» (т. 21, с. 12).

⁷ Женщины редко выступают в качестве мучителей, а если и складывается подобная ситуация, то женщина значительно быстрее приходит к необходимости раскаяния и самоосуждения (показательная в данном случае глава «Ряженный» в «Дневнике писателя» 1873 г.).

⁸ См. главы «Приговор», «Два самоубийства» («Дневник писателя», 1876).

своего, самого полного идеала своего, всей народной святости во всей ее полноте» (т. 21, с. 35).

Показателен в данном случае экзистенциальный опыт самого писателя, связанный с пребыванием на каторге, опыт подследственного и ссыльнокаторжного, который формирует в сознании Достоевского антиномичный образ преступника как человека, преступившего в первую очередь закон нравственный, разрушивший свою собственную личность, сделавший себя жертвой собственного преступления и предельно остро осознающий отпадение от нормы, от идеала: *«Ни один из них не переставал себя считать преступником»* (курсив мой. – А. К.). С виду это был страшный и жестокий народ. «Куражились», впрочем, только из глупеньких, новенькие, и над ними смеялись. Большею частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. <...> Про *это* не принято было говорить. Но, верно говорю, может, *ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего. ...Никто из них не считал себя правым в душе своей* (курсив мой. – А. К.!)» (т. 21, с. 18–19).

Достоевский говорит о возможности восстановления для экзистенциальной личности: «Но зато... с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и *спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда* (курсив мой. – А. К.). Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва – порыва отрицания и саморазрушения» (т. 21, с. 35).

Достоевский называет два необходимых условия обратимости «пограничной ситуации»: с одной стороны, безусловное принятие идеи бессмертия души человеческой, которая и есть, по Достоевскому, «сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» (т. 24, с. 49–50); с другой стороны, разделение ответственности, со-виновность с преступником как форма ответственности за происходящее в мире и способ изменения этого мира. Эти особенности являются, по мысли писателя, характерными чертами русской ментальности, в то время как разрушительные идеи обособления, культивирования «Я» как главной ценности были восприняты через общение с западной культурой⁹.

Идеал Достоевского – отношение народа к преступникам: «название преступления несчастием, преступников – несчастными», «этим словом “несчастные” народ как бы говорит “несчастливым”»: “Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте – может, и хуже бы сделали. Будь мы

получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, “несчастные”, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей”» (т. 21, с. 17).

3. От частных образов Достоевский выходит к философским обобщениям и обращается к исследованию особого психологического типа, который он сам определяет как **«пожертвованное поколение»** – «лица молодого поколения», «лица, погибшие чуть не с детства», «таких “несчастливых” на Руси у нас сколько хотите, все деревни полны, бездна. Верность этого изображения заставит человека с сердцем и смотрящего в наше будущее сознательно – ужаснуться» (т. 21, с. 98).

«Пожертвованное поколение» становится воплощением «эпохального характера» (Л. Я. Гинзбург), потрясенного сознания целой эпохи. Исследуя генезис этого психологического типа, писатель приходит к выводу, что его появление связано с катастрофическими последствиями реформы 1861 г.: «...эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество – не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились» (т. 21, с. 96–97), «все захватила водка, все отравила и направила к худшему, заполонила и поработила народ» (т. 21, с. 97), «в первом детстве оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство, а затем попало прямо на фабрику» (т. 21, с. 98).

Возникновение «нового рабства» связано с сознательным отказом человека от своей свободы, своей личности ради материальной выгоды, ради простого и удобного существования: «все “ослабели”; ожирели сердца; всем хочется сладенького, материальной выгоды. Все рабы уже по существу своему и даже представить не могут себе, как это можно решить для правды, а не для собственной выгоды» (т. 21, с. 100–101).

4. Предельным уровнем обобщения выступает представление Достоевского о **народе как жертве пореформенной эпохи**: «Экономическое и нравственное состояние народа по освобождению от крепостного ига – ужасно. <...> Падение нравственности, дешевка, жида-кабатчики, воровство и дневной разбой – все это несомненные факты, и всё растет, растет» (т. 21, с. 30).

«Пограничная ситуация», по мысли Достоевского, проходит через судьбы не только отдельных личностей, но и русской нации в целом: разрушается нравственная система координат, сознательно уничтожается личностное начало, доминанты национального менталитета. Причем катастрофичность и не-

⁹ Западноевропейский экзистенциализм XX в. утверждал идею личной ответственности, обособленности личного сознания. Только Камю в позднем творчестве, в романе «Чума», приходит к мысли о необходимости объединения людей в «пограничной ситуации».

братимость последствий приобретает зримые черты социального катаклизма: «Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность. <...> ...Народ наш, неопытный в новой жизни и самобытно еще не живший, начинает первые шаги свои на новом пути: перелом огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный в истории по своей цельности и по своему характеру. <...> Народ закутил и запил — сначала с радости, а потом по привычке. Показали ль ему хоть что-нибудь лучше дешевки? Развлекли ли, научили ль чему-нибудь? Теперь в иных местностях, во многих даже местностях, кабаки стоят уже не для сотен жителей, а всего для десятков; мало того — для малых десятков. Есть местности, где на полсотни жителей и кабак, менее даже чем на полсотни. <...> Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?» (т. 21, с. 94).

Проблема жертвы у Достоевского неразрывно связана с проблемой Бога как воплощением идеала, возможности преодоления кризиса сознания через со-бытие с Другими, через отказ от разрушительных устремлений собственного Я. Логика духовного пути развития личности выстраивается следующим образом: от самопознания к богопознанию, которое предполагает соблюдение двух важнейших принципов существования личности — человеколюбия и самопожертвования. По Достоевскому, отдача своего «я» «всем и каждому безраздельно и беззаветно» — единственно допустимый вариант жертвы, «высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности». Способность на самопожертвование определяется любовью к человечеству, верой в наличие будущей, райской жизни, пониманием страданий других людей и переживанием их как своих собственных. Но возможно все это только при условии веры в Бога, в бессмертие человеческой души, эта вера придает особый смысл переживанию «пограничных ситуаций» как ситуаций самоопределения и саморазвития, обретения экзистенциального опыта, необходимости и даже оправданности страданий. В то же время для представителей западноевропейского экзистенциализма XX в. (Ж.-П. Сартр, А. Камю) характерно ощущение необратимости «пограничной ситуации» — трагическое ощущение необратимого приближения к смерти, необратимости погружения в абсурд: «ощущение отсутствия Бога не только развязывает руки для совершения любого действия, но одновременно и связывает их, ибо лишает это действие смысла, значения, необходимости» [5, с. 96].

Проблема выбора человеком пути преступника и жертвы связана, по мысли Достоевского, с сопря-

женностью и антиномичностью в человеке двух начал — личностного и родового. Личностное начало в силу высокой развитости сознания стремится к самоутверждению вопреки духовным ценностям и идеалам, нарушает границы свободы других личностей, требуя от них жертвы. Источником пробуждения индивида, личностного начала, с точки зрения Достоевского, в большинстве случаев является преступление. Начало родовое, напротив, определяется религиозными идеалами, следование которым также предполагает развитие личности человека, но развитие это направлено по диаметрально противоположному вектору: не требовать жертвы от других, а постоянно быть готовым к отказу от себя, своих личных желаний и интересов, к самопожертвованию во имя других, во имя рода. Несмотря на то, что идеал писателя связан с авторитетом родового начала, являющегося отличительной особенностью русской ментальности, он как носитель экзистенциального сознания ощущает «искус индивидуальности», стихийной личной свободы, не ограниченной диктатом другого сознания или сознаний.

По мысли писателя, преодоление «искуса индивидуальности», выход из абсурда «пограничной ситуации», возможность нравственного спасения связаны с народной верой, христианской сущностью устоев народа. В «Дневнике писателя» русский народ определяется как народ-богоносец, носитель подлинной православной веры: «...в огромном большинстве народа нашего, даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке, есть все-таки стремление к достоинству, к некоторой порядочности, к истинному самоуважению; сохраняется любовь к семье, к детям» (т. 21, с. 113).

Таким образом, «Дневник писателя» является уникальным примером репрезентации экзистенциального опыта Достоевского. События личной жизни автора, осмысление обширных пластов человеческого опыта, социального, психологического, приобретают универсальный характер, становятся частью «сверхличного целого». Содержание «Дневника писателя» концентрируется преимущественно вокруг опорного концепта «жертва», что позволяет говорить о виктимологическом дискурсе данного текста. Правомерность выделения в «Дневнике писателя» Достоевского виктимологического дискурса подтверждается анализом жанровых особенностей (синтез дневникового, исповедального и публицистического начал, «жанр публичной исповеди», «публицистический цикл»), макроструктуры текста (деление на главы, использование вставных текстов), аспектным рассмотрением тематического единства глав.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1972–1986.
2. Волгин И. Л. Достоевский-журналист («Дневник писателя» и русская общественность). М., 1982. 75 с.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 441 с.
4. Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: материалы и исследования. Т. 3. Л.: Наука, 1978. С. 151–158.
5. Ерофеев В. Найти в человеке человека (Достоевский и экзистенциализм). М.: Зебра Е; Эксмо, 2003. 286 с.

Кошечко А. Н., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: Nastyk78@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.05.2010

A. N. Koshechko

VICTIMOLOGICAL DISCOURSE IN F. M. DOSTOEVSKY'S «A WRITER'S DAIRY» AS EXPERIENCE OF EXISTENTIAL REFLECTION

In this article «A Writer's Dairy» is analyzed as the unique example of representation of F. M. Dostoevsky's existential experience. The events of author's private life, comprehension of vast layers of human being experience and its social, psychological features acquire universal character and become the part of an extra personal whole. The content of «A Writer's Dairy» by Dostoevsky is focused on the basic concept «victim», which enables the victimological discourse of the text. The legitimacy of victimological discourse distinguishing is confirmed by the analysis of genre features (synthesis of dairy, confessionary and publicistic principles, «genre of public confession», «publicistic cycle»), macrostructure of the text (dividing on chapters, use of insert texts), aspect consideration each chapter unity (thematic, referential, eventual, timely).

Key words: *F. M. Dostoevsky, author, discourse, reflection, existential consciousness, «frontier situation», genre, «A Writer's Dairy».*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.
E-mail: Nastyk78@mail.ru